

MAHAC

ЗАГОВОР ХАНОВ ПРОТИВ МАНАСА

После смерти хана Кокотея киргизский богатырь, легендарный хан Манас, решил устроить небывалую тризну. Обременительный для народа пир тянется несколько месяцев. Шесть ханов, недовольных гордостью и независимостью Манаса, который мало считается с феодальной знатью, вступают в заговор. Они считают, что наступило подходящее время для выступления. Чтобы разведать силу Манаса, ханы-заговорщики отправляют к нему послов.

Когда Кокотей свои кончил дни,
Кручину Манас познал в те дни,
Крепко его поминал в те дни,
Кошоя он, деда, позвал в те дни,
Киргизский народ созвал в те дни.
Не различал Манас-батыр,
Где мусульманин, где кафир,
Густо сгонял он подвластный мир,
Грозно на тот поминальный пир
Гнал его силой своих секир.
Ради него киргизский народ,
Только чтоб с ним не идти вразброд,
Бросил свой скот и его приплод,
Белый кумыс и пчелиный мёд.
Шлемом сверкал сердитый Манас,
Шёл под охраной свиты Манас,
Шествовал славой сытый Манас.
Двадцать джигитов шли перед ним,
Луки свои несли перед ним.
Столько же – справа, внушая страх,
Сабли кривые несли в руках.
Столько же слева джигитов шло,
Столько же сзади джигитов шло.
Пики гремели и ай-балты,
Клинки невиданной остроты.

На поминках был сход большой:
Катаганец там был Кошой,
И казах там был Кокчо,
И другие были ещё –
Андижанский был Сынчибек,
Джамгырчи был, родом Эштек,
Элеманов был сын Тоштюк.
Хан Манас, угощение раздав,
Кокотею почёт воздав,
На поминках сам охмелел,
Собираться войску велел.
Съел скота он немало там:
Ни бараньего сала там,
Ни кобыльего джала там
У киргизов не стало там.
Уничтожил он их стада,
Разорил их, не пожалев.
Навалилась на них нужда.
Ханы сход созвали тайком,
Слово мести дали тайком,
Силача осуждали тайком,
Сокрушить мечтали тайком.
Умертвить его кырк-чоро
Умышляли, собравшись в круг.
Ухватился за это вдруг
Катаганец крепкий, Кошой.

Окружённый хмурой толпой,
Обходительный дед Кошой
Обратился к ней с речью такой:
“Оттого киргиз обнищал,
Что Манас весь мир угощал,
Все народы оповещал,
На поминках всех величал”.
Когда б любопытный спросил,
Кого же Манас пригласил,
Пришлось бы ответить ему,
Что счесть не хватило бы сил
Ту разноязыкую тьму,
Которую он пригласил.
Лишь дивы да пери одни
Отсутствовали в те дни,
А кто человеку сродни,
Тот зван был Манасом в те дни.
От люда там было черно,
Там шапки, сливаясь в пятно,
Вились, как баранье руно,
И было найти мудрено
Друг друга средь давки такой.
А игры одна за другой,
Весёлые, шли на кругу:
Байгою сменяли байгу,
Барабанами землю трясли,

Караванами яства несли,
К ночи вспыхивали фитили,
И при свете ночных фитилей
Игры были ещё веселей.
Надрывался медный керней –
На земле он всех труб длинней.
Удивляли всех ездоки,
Укрощая силой руки
Узкобёдрых кровных коней,
Упряжи не знавших коней,
Устали не знавших коней;
Ураган их срывал с седла,
Ужасна скачка была.
Забавляли народ плясуны,
Занимали говоруны.
Там – один другого колол,
Там – на мшистый вешали ствол
Золотых немало вещей
И стрелку говорили: “Сбей,
А собьёшь – бери и владей!”
Ликовали сердца людей.
С чародеем там чародей
Состязался в науке своей.
Войско он целое похищал,
Ворожкой он умелою похищал,
В небо глядя белое, похищал,

Вид таинственный делая, похищал,
Войско вдруг оробелое возвращал,
Волшебство своё смелое тем кончал.
А в толпе, смотревшей на них,
Были гости из стран чужих:
По кистям судила толпа,
Украшавшим бритые черепа.
Вот китаец – красная кисть,
Вот калмак – вороная кисть,
Если видят – рот волосат,
Значит, русскому он собрат.
И авган и перс-кызылбаш, –
Все гремели золотом чаш,
Аравиец Абунасир
На Манасов приехал пир,
И, проживший тысячу лет,
Прорицатель пришёл, ходжа,
И учёного мира цвет
Шёл за ним, науке служа,
Сединой бород дорожа,
На невежественных брюзжа.
Кончилось время летней жары,
Манас продолжал вблизи Кыркыры
Свои разорительные пиры.
Там, где горели его костры,
Ямы видны и до сей поры;

Яства готовились на кострах,
Янтарные стапливались жиры...
Светлый месяц уж много раз
Народился и вновь погас,
Попрощался народ с зимой,
Вереница диких гусей
Прокричала, летя домой.
Между тем был мятеж готов,
Беки знатные всех родов,
Аксакалы гурьбою шли,
Козни лютые строя, шли,
К воеводе, Кошою, шли.
И пришли и подняли крик,
И услышал Кошой-старик:
“Издавна у нас прям язык,
Изменять себе не привык,
Искры мечет сталь наших пик,
Иль ты нас не знаешь, старик?
Мечь киргизская тяжела:
Если мстить охота пришла,
Есть у всадника удила,
Есть в колчане его стрела,
Нет лишь сил, чтоб не помнить зла.
Было сорок у нас племён,
Был киргизский народ силён,
Был наш скот в предгорьях вскормлен,

На джайляу он был вскормлен,
Был породист на диво он,
Там растил свои гривы он,
Рог растил в три извила он,
Грел нас шерстью красивой он,
Но беду нам принёс Манас,
Что осталось теперь от нас?
Тот, кто скот безмятежно пас,
В нищете сегодня увяз,
Из-за тризны в грехах погряз.
Обещал ты в прошлом году
Отомстить ему за беду,
Ты нам скорую мзду сулил,
Ты Манаса не разгромил”.
Не смутясь нисколько душой,
Катаганец крепкий, Кошой,
Обходительный дед Кошой,
Обратился к киргизам Кошой
С лукавой речью такой:
“Смотрите, чтоб ваша грызня
Самих вас не сбила с коня,
Самим не затмила вам дня.
Зачем отговаривать вас?
Сказали бы все вы тотчас,
Сказали бы вы без прикрас,
Что дорог Кошою Манас.

Как вас мне предостеречь?
Костями вы там можете лечь.
Кончаю на этом я речь”.
За беком поднялся там бек,
Тринадцать всего человек,
И вышли от деда гуськом.
И пришли тринадцать вояк,
Именитых, знатных рубак,
В край народа Догон-Кыпчак.
Управлял тем краем Тоштюк.
Их радушно принял Тоштюк –
На Манаса он сам был зол,
По душе ему был раскол,
Кумысом гостей напоил,
Их байгою повеселил.

Гости речь вели меж собой:
“Обманул нас хитрый Кошой.
От Манаса терпели мы,
От него еле-еле мы
Отдалились, как от чумы.
Стоил много нам Кокотей,
С нас довольно таких затей,
Надо силы в себе найти,
В затылках своих поскрести,
Манаса-Льва потрясти,

Крепко связанным привести.
Наши силы вместе сложив,
Наземь сбросим его с седла
И растопчем, чтоб не был жив,
Отомстим за его дела.
Он теперь нам спуску не даст,
Он заметит нас – он глазаст,
Он услышит нас – он ушаст,
Никого он не пощадит”.
Было много храбрых вояк,
Но друг друга понять никак
До конца им не удалось.
Рассуждали и вкривь и вкось,
Не итти ж на Манаса врозь!
Выбирать им вождя пришлось.
Среди них был Урбю, кыпчак,
Он молчал, от страха бледнея.
И сказал Кокчо ему так,
И поддакнул Кокчо Музбурчак:
“Много ты терпел от злодея.
На поминках по Кокотее
Он бранил тебя так и сяк.
От побоев чья ныла шея?
Не твоя ли, Урбю, кыпчак!
Ты терпел, затылок скребя,
Стыдно было нам за тебя.

Почему же закрыл ты рот?
Разве с нами пойдешь вразброд?
Если Манаса мы задерём,
Если тягаться мы с ним начнём,
Если сражаться мы с ним начнём,
Будешь ли с нами бок о бок ты?
Будешь ли в битве не робок ты?
Крепок ведь твой тяжёлый топор,
Камня он тверже, что сброшен с гор;
Кованный ладно, он в битве скор.
Кто без войны разрешает спор?
Кровь, а не мир облегчает спор.
Если же с нами пойдёшь вразброд,
Если расстроишь ты наш поход,
Пусть твою дочь постигнет развод,
Пусть в её чреве погибнет плод,
Пусть презирает её народ!
Вместо Манаса, тору-кыпчак,
Властвуй над нами, Урбю-смельчак!”

Урбю плешивый, по кличке Таз,
Был в затрудненьи на этот раз.
С Манасом дружбой он связан был,
С весны он другом его прослыл.
Но свой обдумал Урбю ответ
И не решился сказать им “нет”.

Урбю не верил, что властью он
Будет впоследствии наделён.
“Они пройдохи, подумал он,
Средь суматохи, подумал он,
Дадут мне крохи, подумал он,
Смутит ли, думал, их мой отказ?
Мне скажут, думал, паршивый Таз,
Уйди, мне скажут, ты с наших глаз!
Но в вещей книге у дубаны
Все наши миги предрешены.
Коль осуждён в ней на смерть Манас,
Я всё равно бы его не спас”.

Урбю ответил: “На что я вам?
Козней я не подстрою вам,
Изменять среди боя вам
Я не стану, герои, вам,
Но избавьте меня, друзья,
Не гожусь в зачинщики я,
Обезглавьте Манаса вы,
Не сразить мне этого Льва,
Не поднять его головы,
Тяжела его голова.

Но с друзьями Урбю в ладу, –
Раз написано на роду,

Я за вами следом пойду.
Пусть отстану я на версту,
Но за вами хоть пыль взмету,
Пыль взмету я столбом густым.
Низки мои права,
В парше моя голова,
Братья – и те едва
Верят в мои слова...”

И хитёр был Урбю, тот хан,
Краснобаем Урбю, тот хан,
Был недаром в народе зван.
Был язык ему ловкий дан.

Заговорщиков было шесть,
Знатных ханов тех было шесть.
К небу руки свои воздев,
Поклялись они нараспев,
Помолились они, все шесть,
Потом, чтоб не быть греху,
Чтоб совесть была чиста,
К молитвенному стиху
Присоединилась бата.
Каждый, боясь беды,
Коснулся рукою рта
И ею вдоль бороды

Провёл, как велит бата.

И раскрыли книгу коран
С конский череп величиной:
Чтоб скрепить союз шестерной,
Били в груди себя до ран.

Эти ханы своих людей
К Манасу решили послать,
Чтоб через послов узнать,
Что думает он про них.
Тогда Элеманов Тоштюк
Лучшего выбрал из слуг;
Из рода Эштек Джамгырчи
Второго дал удальца;
Охотно казах Кокчо
Дал третьего молодца;
От них Урбю не отстал –
От себя четвёртого дал;
Андижанский встал Сынчибек –
Был им пятый дан человек;
Музбурчаком, грозный на вид,
Шестой был выбран джигит.
Все они были как на подбор,
Каждый Манасу мог дать отпор.
Сотни и тысячи перебери –

Вряд ли найдутся богатыри,
Превосходящие тех послов.
Каждому дали коня-джорго,
В лучший халат, на зависть врагу,
Каждого вырядили слугу
И отпустили к Манасу их.

Вот, обогнув Кышатынский пик,
Вброд перейдя бурливый Кею,
Всадники выехали напрямик
В молодцеватом своём строю.

Путь лежал через степь Намут,
Вдоль Кытмыра, чей берег крут,
И неделю их длился бег,
И в Джеркене их ждал ночлег.
Миновали они Джумгал,
Но рассказ их наш обогнал,
Напрямик с дороги свернул,
На Манасов набрёл аул.

ВСТРЕЧА ПОСЛОВ С МАНАСОМ

**Узнав о прибытии послов, Манас догадывается об их намерениях.
Он делает все, чтобы показать им свое необычайное могущество.**

**Он подвергает их пытке страхом, заботясь, однако, о том,
чтобы послам не причинили вреда.**

**Затем наделяет их подарками и отпускает,
вручив им послание к мятежным ханам.**

Мы оставим теперь послов,
Мы споём вам несколько слов
Про Манаса, родича львов.
Справедлив могучий Манас,
Мир исполнен его щедрот.
Закрывают крепость его
Золотые створки ворот;
Канькей, супруга его,
С ним в его Тортколе живёт.

Крепость, полная горожан,
Кипит, как большой казан;
У Манаса в крепости той
Уйма всякого есть добра;
Эта крепость прочней, чем гора,
У ворот её оловянных –
Стражей дюжина недреманных.
Чином каждый из них палач,
Чеканный булатный нож
Держит каждый из часовых.
Части тела неверных псов,
Ключья кожи с вражбх носов,
Уши, срезанные с живых,
Свешиваются с поясов.
Лица грозных тех часовых

На прохожих наводят страх,
Жалости не ищи у них:
Жажда крови пышет в ноздрях,
Жуток вид кровавых рубях,
Жмётся каждый при виде их.

Ничего от страха не понимая,
Ноздри испуганно сжимая,
Потом свои тела обмывая,
Стоят бедняги-послы.
Отроду не бывали ещё
В этаккой передряге послы.
Глядя на крепость, молчат послы,
Трясёт их, послов, озноб,
И так долго они молчат,
Что свариться мясо могло б,
Наполняющее котлы.
Главный страж увидал послов,
Шесть трясущихся их голов.
Это был старик Джорунчу,
Это был казах Джорунчу,
Волк султановым супостатам.
Прибежал он к ханским палатам,
Попросил приёма у Льва там.
Лев-Манас разрешил приём.
Он спросил его: “Как живём?”

Он проткнул своего слугу
Взора колкого остриём.

“Эй, – султан, – сказал Джорунчу, –
Гнев твой видя, я трепещу:
Брови хмурающий, тыходишь
На покрытый снегом курган.
Слово хмуро проговори –
Сердце выпрыгнет изнутри.
У твоих крепостных ворот
Видел я иноземный сброд –
Я не знаю, что за народ, –
Насчитал я там шестерых
У ворот твоих крепостных.
Не видал я таких коней,
Как беговые кони их:
Бычья грудь, верблюжье бедро
И подтянутое нутро.
Не Кашгар ли своё тавро
На тулпаров таких сажал?
Не Кашгар ли их объезжал?
Не обгонит их и архар,
Чую, родина их – Кашгар.
Те, кто верхом на них сидят,
Отъявленные сорванцы.
Не знаю, чьи они гонцы,

Но знаю – от головы до пят
Стать крепка у этих ребят.
Ведь их туловища – в обхват;
Шире детского тюфяка
Рот у каждого чужака;
Лоб над парой впадин глазных
Круче берега струй речных”.

“Знаю, – сказал Манас Джорунчу, –
Заговор создан против меня.
Завистью не раздробить кремня,
Всех заговорщиков проучу.
Это разведчиков ханы шлют.
Знай же, как с этими быть людьми:
Пусть они видят, что хан твой лют,
Их как потомок волков прими,
С своим и лязгом клыков прими,
Ты их облай, как цепной сырттан,
Но не кусай. Чтоб не было ран.
Надо живыми оставить их.
Крепкий урок им лишь будет дан,
Надо, чтоб враг мой узнал от них
Правду о силе полчищ моих”.

“Будет сделано, сокол наш”, –
Кланяясь низко, крикнул страж.

Хана задеть не смея взглядом,
Шёл Джорунчу обратно задом.
Через дворец он так прошёл,
Самый широкий бубен нашёл,
Шире костра, где стоит котёл,
И заревел этот бубен вдруг,
Так заревел как ревет осёл, –
Пусть, мол, слышит вражий посол!
Дюжину тысяч одних бойцов
Сразу собрал набатный рёв:
Первая тысяча – в красном вся,
Красные мех, шёлк и парча;
В синем вторая тысяча вся
Мчалась, оружием своим брэнча;
Третья тысяча, в жёлтом вся,
Двигалась грозно, как саранча;
Смежная тысяча, в белом вся,
Снегом казалась в огне луча.
Тысячи шли одна за другой,
Шли, как ливень, полки Манаса;
Каждый аскер был ему слугой,
Каждый готов был ринуться в бой,
Рвать и кромсать человечье мясо;
Шли их ряды сплошной стеной.
Шли, потрясая весь мир стопой,
Шли, и не видно было земли,

Той, где недавно цветы цвели,
Той, где недавно травы росли...
Заскрипели петли ворот,
И открылся внешний проход;
Там сыртаны сторожевые
Взяли в руки мечи кривые,
Перекинули через плечо
На цепях стволы огневые.
А не рано ли нас, эльчи,
Посетили вы для разведки?
А не ханы ли вас, эльчи,
Подослали к нам для разведки,
Подсмотреть, как точим мечи,
Поразнюхать наши объедки?
И вот пришельцы окружены
И с их оружием разлучены,
И сотни вражьих железных глаз
На них, как пики, устремлены.
Полки выходят из-за стены,
Их сталь незыблемей, чем алмаз;
На стягах, жителях вышины,
Лопочет шёлк и шумит атлас.

“Крышка нам, – шепчут послы,
Шепчут, бледнея, Ыйман, –
Не погребут нас муллы,

Будут клевать орлы
Праведных мусульман”.
“Слушайте вы, салам”, –
В ухо кричат послам.
Ужас их так велик,
Так ослабел язык,
Что на “салам” в ответ
Не говорят “алик”.
Страх велик чересчур:
Им кричат – “амандык”,
Но и на такой привет
Ответственного “шугур”
Не выговорит язык.

Тут крепость открыла рот,
Две створки своих ворот,
За ними зубы видны –
Топорники у стены.
Каждый посольский конь
Двумя вратарями взят.
“Только послов не тронь!” –
Тайком вратарям велят.
Кто же стоит во главе
Дюжины тысяч аскеров?
Это казах Джорунчу,
Это – Тайгыл, Турулчу,

Шынгы-ул и знатный Кербен.
И Боголь, и хитрый Дюрбен,
Ирчиул со звериных троп,
Бозуул – сокрушитель скул,
И Байматка – плешивый лоб,
И ещё было два других.
Шишаки на шлемах горят,
Жеребцы не бегут – летят,
Двое слуг на каждой узде,
Как привязанные, висят.
Не мешают они езде, –
Ничего им не весить велят.
Слыша ржанье и конский пляс,
Не открыв зажмуренных глаз,
“Будем знать, – говорят послы, –
Будем знать, что значит Манас”.
Возвращается речь к послам,
Восклицают они “салам” –
“Поздно” плохо так же, как “рано”:
Не ответит никто “алик”
В громыханьи железных пик,
В рёве главного барабана...
Вдруг умолк барабанный рёв,
Вдруг двенадцать тысяч стволов
Выпалили облака выше.
У мазаров рухнули крыши,

И оглохли сразу послы,
И подпрыгнул каждый из них,
Улетев от стремян своих,
И обратно каждый летел
И не знал, почему он цел.
И когда достигал седла,
Крестец трещал у посла...
К ним провожатые подошли,
В крепость к Манасу их повели.
Было четыре тысячи справа,
Было четыре тысячи слева,
Сзади четыре тысячи шли.
От двенадцати тысяч клинков,
От двенадцати тысяч голов
Стало темно в глазах у послов.
Им вприпрыжку пришлось бежать,
Им от страха пришлось дрожать.
Справа и слева и по пятам
Войско грозило бедным послам.
Волосы дыбом, и градом пот...
Волки так ночью гонят скот,
В озеро с гор так река течёт!
Тут послов стащили с коней,
Их окружили ещё тесней.
“Знайте, Манас и не так силён,
Скоро вам покажется он”.

Стража толкала их с трёх сторон,
Каждый посол был под руки взят,
Пышный убор был на каждом смят,
Чуть кто оглядывался назад –

Шлёпал беднягу кылыч плашмя.
Смертью грозя, медью гремя,
Город войсками кишел кишмя.
Стали сильнее понукать послов,
Стали в спину толкать послов,
Стали нещадно ругать послов.
“Ай, помоги, астапыр алда”, –
Стали молиться послы тогда.
Света не взвидели горемыки,
Ужас их души объял великий,
Замерли, сжались у них сердца,
Близкого ждали они конца.
Каждый посол был от страха нем,
И у тяжёлых дверей дворца
Силы покинули их совсем.

В том дворце палата была,
Что коврами богата была,
Что в камнях драгоценных была,
Что в шелках несравненных была.
Там стоял престол золотой,

Там Манас грозноликий сидел,
Там на смертных он львом глядел.
Привели в палату послов,
Повалили на землю их,
Не щадя их посольских лбов,
Повалили всех шестерых.
“Ну, читайте предсмертный ыйман,
Защищаться – напрасный труд,
Разгадали мы ваш обман,
Беспощаден Манасов суд.
Погибайте все вшестером,
Мы дверей вам не отопрём,
Из Манасовых вы хором
Не уйдёте уже никак,
Поколотим вас, как собак!”
Так запугивали послов,
Приведённых под ханский кров.
Не нашлось у них даже слов,
Чтоб промолвить: “Будь, Лев, здоров!”

Подняли тут послов с земли
И велели назад взглянуть,
А когда оглянулись они –
Затрясла их смертная жуть.
Пуще оторопели они,
Пуганые, сомлели они,

Прямо остолбенели они:
Каждый, взглянув назад,
Сам тому не был рад,
Встретившись взорами с палачом,
Что грозил трёхгранным мечом,
Трёхсторонним бранным мечом.

“Говорите скорей “салам”! –
Закричали в уши послам. –
А не то вас немедля тут
Палачи мечами проткнут,
Палачи того лишь и ждут!”
У послов, у всех шестерых,
Ум затмился от слов таких.
Кости словно распались у них,
Кисти рук болтались у них,
Языки заплетались у них.

Хоромы блестели вокруг,
Батыры сидели вокруг,
Грозные, в броне золотой,
Хранили молчанье они.
Хмурились в ожиданьи они.

Закричали послы: “Салам!” –
Наконец отвесив поклон,

Им никто не ответил там,
Их “аликом” не встретил там,
Не спросили у них имён,
Рвались их сердца пополам,
Лишь один аксакал Бакай,
Благородный Бакай-старик,
Про себя подумал: “Пускай!”
И ответил послам: “Алик!”
Стало тихо, как никогда,
И так долго ждали послы,
Что свариться могла б еда,
Наполняющая котлы.

Наконец себе слово взял Аджибай,
что красой сиял. Аджибай
краснобаем слыл:
Кто в беседу с ним раз вступил,
Слух того ублажаем был,
Мудрым словом ласкаем был.
Что порвалось, он сшить умел,
Что распалось, скрепить умел,
Что терялось, найти умел,
Что ушло, привести умел.
Он был щедр, и правдолюбив,
И умён, и красноречив,
Для врагов готовил кулак,

На грозивших ему собак
Нападал он с яростью льва.
Про него гласила молва,
Что и тварь он жалел, добряк,
Говоря: “И овца жива,
Для нее – степная трава,
Ты скотинку не обижай,
Той травинки не отнимай!”
Вот какая это была голова,
Вот кто был батыр Аджибай.
Но теперь его гнев объял,
О расправе он вопиял,
Были мрачны его слова:
“Что за люди и откуда вы?
Словно жвачка верблюда вы,
Словно стрелы без лука вы,
Не пророните звука вы,
Отвечайте мне, ну-ка, вы!
Чем сердца загасили свои?
Души чем занозили свои?
Ну-ка, что ж вы молчите сейчас?
На кого ж вы похожи сейчас?
Не подошвы ли щёки у вас,
Что стыдом их окрасить нельзя?
Вам молчать при Манасе нельзя!”
Аджибай, разгневанный, смолк,

И, хоть речь его взяли в толк,
После всех пережитых мук
Попробуй – вырони звук!

Поднял руку один посол,
Погрузил другую в кемок,
Эльчи в себе силы нашёл
Преодолеть испуг:
Он слова молитвы шепнул,
Грамоту ханскую развернул,
Льву он её протянул.
Но сперва её Лев не взял,
И с протянутой рукой,
С важной грамотою такой
Столь долго посол стоял,
Что свариться еда бы могла,
Повалил бы пар из котла.

Наконец был подан знак,
Вышел батыр Сыргак,
Восемьдесят нукеров с ним,
Восемьдесят аскеров с ним,
Золотой был на нём колпак,
Золотой был на нём кушак.
“Дай мне грамоту, не дрожи,
В руки мне её положи”, –

С улыбкой сказал Сыргак.
Он к Манасу с ней подошёл,
Тот, нахмурясь, её прочёл.
Весь народ стоял, онемев,
Ждал – вот-вот разразится гнев,
Но с престола поднялся Лев,
Поднялся, повеселев.

Сердцем Манас возликовал,
Сел на престол и слуг позвал:
Мигом явились четверо слуг,
В синие бубны грянули вдруг,
Каждый, с верблюда величиной,
Бубен слугу заслонял собой.
Это был новый послам испуг...
Важно оглядывался Манас,
Не раздосадовался Манас,
Грамоте радовался Манас,
Видно, догадывался Манас.
Что с врагами выдержит бой.
Скорый ответ писать велел.

Старый писец за работу сел,
Стал достойный ответ сочинять,
Стрелами стал его начинять.
Лев шестьдесят гонцов разослал,

Пир устроить он приказал,
Подданных пировать позвал,
Мужа он разлучил с женой,
Милого он от милой взял,
Дочь на разлуку обрёл с отцом,
Мужа сделал на срок вдовцом,
Сделал жену на срок вдовой.
Он шесть суток людей кормил,
Он байгою гостей веселил.
А теперь послушать пора,
Как с послами хан поступил.

Он послов упрятал в подвал,
Он свободы им не давал,
Пытке страхом их предавал.
Дни, и ночи, и вечера
Страх расправы послов томил.
Наконец аскеры пришли
И к Манасу их повели.

Ласков стал Гиена-Манас,
Их избавил от плена Манас,
Улещал их и величал,
Им он больше не угрожал,
Одарил их этот Кокджал:
Шестьдесят им халатов дал,

По десятку на брата дал,
Деильде, где сверх кумача
Золотая блестит парча,
Дал он с собственного плеча.
Он открыл свои тайники,
Он открыл свои сундуки,
И, по взмаху его руки,
Меховые воротники
Поднесли нукеры послам.
И тулпаров он дал послам
Аргамаков он дал послам,
Подарил их с приветом им
И письмо с ответом своим
Сунул старшему под полу.
“Всё, что хочет сказать Кокджал,
Вас пославшие господа
Из письма поймут без труда.
Правду я всегда уважал,
Я вас в шутку на цепь сажал”.

Тут, от радости подскочив,
Шестерых коней нагрузив,
Их подарками отягчив,
До ушей раскрывая рты,
Поклонились низко эльчи.
“Ай, как великодушен ты!

Дал халатов пять дюжин ты,
Из своих нам конюшен ты
Дал отборных, лучших коней.

Так не знай же печальных дней,
Много лет ещё юным будь,
Неустанным туйгуном будь!" –
Отправляясь в обратный путь,
Хорохорясь, точно купцы,
Хитрые вскричали гонцы.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ПОСЛОВ К ХАНАМ

Послы рассказывают ханам обо всем виденном ими у Манаса, о его могуществе и непобедимости. Хань читают послание Манаса, в котором он грозит им беспощадной расправой, если по истечении сорока дней они не явятся с повинной.

Утомили послы коней,
Длился путь их тринадцать дней.
Вот гора Керме позади,
Вот широкий Котон позади,
Вот высокий склон позади,
Где заждался их эр-Тоштюк.
Ожидая их, эр-Тоштюк
Задал знатным воинам той,
Званный был устроен им той,
Звонкой песни достойный той.

Обступили толпой послов,
Пригласили на той послов,
Угостили едой послов,
Стали гладить тулпаров их,
Щупать каждый подарок их
И расспрашивать стали их:
“Проезжали Таласом вы,
Говорили с Манасом вы,
Старикам седовласым вы
И простым овцепасам вы
Расскажите, что слышно там,
Что пришлось там увидеть вам”.

“Для рассказа не хватит слов, –

Отвечал один из послов. –
День и ночь бы длился рассказ
Про то, как живёт Манас.
Без еды, без питья и сна
Трое добрых суток сполна
Вы бы слушали наши слова
О силе этого Льва.

Из Таласской долины мы,
От того властелина мы
Ехали, не веря глазам,
Каждый должен увидеть сам
Диковинки той страны:
Он поймёт, что мы не лгуны,
Не напрасные хвастуны
И не праздные болтуны.
Надо мужем учёным быть,
В рассказах искушённым быть,
Чтоб Манасов дом описать,
Про Кокджала вам рассказать.
Сорок витязей, кырк-чоро,
Охраняют его добро,
Одеянье его пестро,
Лезвие кылыча остро.
Как всё это расскажем мы?
Как в одно это свяжем мы?”

Пережитый послами страх
Всё смешал у них в головах.

И поэтому взяли их,
За казаны сажали их.
Яствами угощали их,
Всячески поощряли их.

Ужин был неплохой,
Завершили его батой:
Бороду захватить в кулак,
Бережно потрепать рукой –
Богу этот угоден знак, –
Благочестие возвещается так,
Бодрость возвращается так.

“Ну, – сказал старик Музбурчак,
Что чалмою длиною в кучак,
Золочёной, себя покрыл, –
Что же вам Манас говорил?”
“Будь неладен этот Манас!
Не сказал он нам ни черта,
Не раскрыл он, Гиена, рта.
Нам предстал в своей силище он,
Заточил нас в узилище он,
Распластал свои крылища он,

Аджидар-Манас разъярён.
А когда шесть дней протекли,
Точно мёртвых из-под земли,
Из темницы нас извлекли
И к Манасу всех повели.
Ласков стал Гиена-Манас,

Нас избавил от плена Манас,
Нам он больше не угрожал,
Одарил нас этот Кокджал:
Шестьдесят нам халатов дал,
По десятку на брата дал,
Деильде, где сверх кумача
Золотая блестит парча,
Дал он с собственного плеча,
Он конюшни свои открыл,
По тулпару нам подарил,
И письмо с печатью своей
На прощанье он нам вручил.
Вам отдать его поручил”.

Все вазирьы и все казы,
Все, читавшие по складам,
С детства помнившие азы,
С детства отданные к молдам,
В то посланье уткнув носы,

Глядя бороды и усы,
Стали думать там и гадать,
Меж собою совет держать,
Кто б сумел письмо прочитать.
И сказал учёный молда:
“Я прочту его без труда!” И смотрите – не
обманул,
Смело грамоту развернул,

Смерил глазом, потом чихнул
И письмо, под крики “айда!”,
Как молебствие затянул:
“Я, врагов своих мнуший Канкор,
Я пишу вам, ханы, в укор,
Я пишу простым языком.
Если вам мой язык знаком,
Я, как единовец ваш,
Приглашаю вас всех на аш.
Если ж будет, ханы, чужда
Вам моя киргизская речь
И завешана нам вражда,
Что сердечных не терпит встреч,
Объяснением вам тогда,
Обоюдоострым, как меч,
Двуязыкий помог бы тильмеч.
Вас зову я, Манас-Канкор,

В край моих Таласских гор.
Сорок дней вам сроку даю,
Только сорок коротких дней
Жду я вас в долине моей.
Как врагов или как друзей
Жду я вас только сорок дней.
А просрочите – горе вам!
Страшен буду я в ссоре вам,
О Манасе-Канкоре вам
Меч расскажет мой вскоре сам.
С вашим племенем справлюсь я,
С вашим семенем справлюсь я,
Домочадцев и всю родню
Дам топтать моему коню,
Дымом выкурю на корню,
Дочек ваших я полоню,
Ваше войско я проглочу,
Ваши крепости затопчу,
В караванный путь превращу,
Вас навеки я укрошу,
Вам за дерзость я отомщу!
Сорок дней в запасе у вас,
Сорок дней – вот весь ваш запас.
Собирайтесь же, – дни бегут,
С нетерпеньем в Таласе тут
Шестерых сообщников жду.

Собирайтесь же, – путь открыт,
Кровью вражеской он омыт.
Шесть силёнок в одну сложив,
Знамя ухарски распушив,
За собой камчи волоча,
Улюлюкая и крича,
Наступайте лавиной вы,
На Талас мой, на львиный, вы.
Может быть, мой высокий дом
Вы сметёте чёрным хвостом,
Может быть, шестиглавым псом
Льву потреплете вы бока...
Приводите свои войска!
Сорок дней ещё есть пока!
Налетайте ветром степным,
Ураганной станьте метлой,
За подмогой ко всем святым,
К вере нынешней и былой,
Обращайтесь, идя на бой, –
Не смести вам меня долой,
Не воскликну я “ай-бетым!”
С вами справится Лев один,
Мне довольно шести дубин,
Чтоб спастись от ваших лавин.
Я на вас гиеной дохну,
Я одной ай-балтой взмахну,

Кто взойдёт на стены ко мне,
Я того коленом столкну.
Я и сам подобен стене,
Возвышаюсь я как дувал,
Ветер гор меня обдувал,
Вешний дождь меня обмывал.
Я чинар с золотой листвою –
Подрубите его балтой.
Пусть не шестеро будет вас,
Поколеблется ли чинар?
Потрясёт ли его топор?
Попытайтесь его подсесть,
Поспешите, ибо Канкор
Последнюю держит речь!”

Вот что им писал Манас,
Вот что им сказал Манас.
От зловещих его речей
Ханы приуныли вдруг,
Храбрых, их пробрал испуг,
Ниже столетних ветвей
Души сникли у всех гостей,
Стоявших вокруг юрты,
Замкнувших с испугу рты,
Поджавших свои хвосты.
Заговорщики-вожаки,

Не скрывая своей тоски,
К жаркому подошли костру.
Изнурительной желтизной
Исказились лица у них,
С пожухлой травой степной
Стали схожи лица у них.
Надо было совет держать,
Надо было им рты разжать,
А они не могли разжать,
Продолжали они дрожать
И тряслись, молчанье храня,
И так долго душил их страх,
Что свариться б могла стряпня,
Заготовленная в котлах.

Наконец удалой Тоштюк,
Расхрабрившись, выронил звук:

“Память предков я оскверню,—
Да простится мне этот грех,—
Лучше сгнуть бы им на корню,
Чем такую зачать родню,
Чем родить им нас, ханы, всех!
Тех ли предков мы кровь и плоть?
Если надо детей пороть,
Если надо овец колоть,

Если вздор лишь надо молоть,
Вот когда их годится плоть,
Вот когда не боитесь вы
За целость своей головы!
Зря Манас не станет грозить,
Хвост чешуйчатый гомозить.
Если вам нанесёт удар
Этот рышущий аджидар,
Огнедышащий аджидар,
Если вас он собьёт хвостом,
Если вас он прихватит ртом,—
В брюхо втянетесь к змею вы.
Над Востоком хоть властны вы,
Хоть над Западом властны вы,
Но крушить аджидар горазд:
Если он вам жару поддаст,
Сделаетесь несчастны вы.
Прянет конь его, Ак-Кула,
Чья спина, как пена, бела,—
Вот тогда начнутся дела,
Натворит он немало зла,
Вы рассыплетесь, как зола.
Он повалит наземь одних,
Он навалит сверху других,
Стать подкладкой придется одним,
Стать накладкой придется другим,

Станет нижнею стороной
Та, что раньше была лицевой.
Лето в зиму он обратит,
Он одним их зависть простит,
Других за нее устыдит:
Мне, Тоштюку, воздав почёт,
Он “горо” меня назовёт,
Музбурчаку он скажет:
“Вина За усобицу лечь должна
На тебя одного, старина!”
Джамгырчи он скажет: “Хвалю!”
Сынчибеку ж, наоборот,
Скажет: “Нет, тебя не терплю”.
Созовёт он простых людей,
Он аскеру и пастуху
Скажет попросту, без затей:
“Ханы, севшие наверху,
Есть дают вам лишь требуху,
Чем вы хуже ханов своих?
Посмотрите, кто наг и бос,
Посмотрите, скажет, на них –
Музбурчак, он молокосос,
Хан Урбю – умом не дорос”...

Поздно теперь отступить,
Не даст он вам отступить,

Не даст вам спокойно спать,
Не даст вам дело крепить.
А кровь не затем ли нам,
Чтоб её проливали мы?
А жизнь не затем ли нам,
Чтоб её прерывали мы?
Кто скажет наверняка,
Что завтрашний день сулит?
Потопит ли нас река,
Что мутной водой бурлит?
Всегда ли должен тонуть
Вступивший в речную муть?
Кто смел, раздумье оставь,
Кто горд, сомненья отбрось
И перебирайся вплавь,
И в бой иди на авось.
Кто крепок, тот сам влеком
К опасностям переправ,
Кто цепок, тому знаком
Коварной стремнины нрав.
Кто муж, того не спугнёт
Бушующая вода,
Кто дюж, он сто раз нырнёт,
Но выплывет без труда.
Бесчисленные войска
Мы можем, друзья, созвать.

Была бы им степь узка
И негде им было б спать.
Бесчисленных скакунов
Мы можем, друзья, взнудать,
Привольных степных кормов
Могло бы им недостать.
Повёл бы нас дед Кошой,
Размах у него большой.
Пойдём же за дедом мы,
Пройдём за ним следом мы,
Придём с ним к победам мы!
Мы, Тюмень к тюменю, пойдём,
Мы войной на Гиену пойдём,
Мы войной на Кокджала пойдём,
Вырвать змеёво жало пойдём.
Пусть уступит тот ящер нам,
Постоянно грозящий нам,
Пусть богатство притащит он,
Присылает послаще жён,
Платит дань нам почаще он!
Змей тот в гневе неукротим:
Если сами его не съедим,
Если сами не победим,
Нашей кровью он мир зальёт,
В наши вторгнется он края.
Распадётся наша семья,

От него не будет житья!”
Был Тоштюк на решенья скор,
Вот какой он вёл разговор,
И никто не вступил с ним в спор.
Взял тут всех шестерых задор,
Затрубили они в керней,
Развели огромный костёр,
Мяса выбрали пожирней,
Всех созвали с окрестных гор,
Накормили на много дней,
Так что многим там из обжор
Было трудно сесть на коней.

Если кто желает из вас
Слушать дальше этот рассказ,
Набери терпенья в запас,
Ибо долог будет рассказ,
Будет с озером сходен рассказ,
Будет наш полноводен рассказ,
Будет наш безбрежен рассказ,
С бесконечным смежен рассказ.

Казахский джолбарс Кокчо
Повесил лук за плечо,
С ним четыреста молодцов
Погнали своих жеребцов.

Реку Дайру одолев,
Кытымырскую степь проскакав,
Шибанг в пути обозрев,
Изведав сто переправ,
Шийку и Иртыш повидав,
До пастбищ хана Кокчо
Добрались, не опоздав.

Урбю с дружиной пошёл,
Чуйской долиной прошёл,
Оба Кемина прошёл,
До Каракульджи дошёл,
Не один он вытоптал дол.

Андижанский хан Сынчибек
К Алаю направил бег.
Музбурчак, Будаиыков сын,
По окраинам котловин,
Вдоль Мургаба, шёл в Бухару,
Где полгода терпят жару.
Пошёл в далёкий Кашгар
Последний хан, Джамгырчи,
Особый за ним тулпар
От города нёс ключи.

Стали везде толковать,

Слухи передавать:
Шесть ханов нас будут звать,
С Манасом хотят воевать.
Кто к войску их не примкнёт,
Кто с их дороги свернёт,
Счастье тому не кивнёт,
Зависть того кольнёт,
И в дележе обойдён
В час победы их будет он.

Тот, кто только коня имел,
На него он седло надел,
Тот же, кто безлошадным был,
Тот коню всю цену узнал,
Тот последних шесть ишаков
На лихого коня менял,
Тот спешил, как велел Тоштюк,
Прицепив к пояснице лук...
И людской поток прибывал.
Как вода заливают луг,
Он окрестный мир заливал.

Наконец наступил тот день,
Намеченный сходом день,
Когда Тоштюк-властелин,
Элеманов доблестный сын,

Под древком знамённым своим,
Перед войском конным своим
“Голову опускать не смей!” –
Гаркнул, как медный керней.
Словно сказочная камча,
Словно длинный сказочный змей,
Растянулись гривы коней.
Тоштюк набрал не калек –
Набрал он здоровяков.
Каждый его человек
Стоил семи волков,
У локтя каждый билек
Был крепче семи подков.

В это время, подняв кылыч,
Одолев перевал Артыш,
Шесть тюменей вёл Джамгырчи.
Каждый воин там был крепыш,
Все были там силачи.

К ним Урбю в то время спешил,
Двести тысяч бойцов ташил,
Вдвое больший табун там ржал:
Урбю и тут не сплосал,
Он бойца на лошадь сажал,
А другую рядом держал.

Про запас другую держал.
Из обоих Кеминов, туда,
Он привёл исполинов туда,
Чьи в Чуйской долине стада
Гуще листвы на стволе,
Чьи совсем не из глины дома,
И не из овчины дома,
Чьи дома – пещеры в скале.

В то же время и эр-Кокчо
Свои собирал войска.
Брал их не из пещер Кокчо,
Брал с приволья Сары-Арка.
Он их против Манаса вёл,
Их в долину Таласа вёл.

Сынчибек из Коканда шёл,
Он с полей Маргелана шёл,
Он из-под Андижана шёл,
Свой дворец там покинул он,
Где был роскошью окружён,
Где имел он множество жён,
Семь тюменей джигитов с ним
Шли путём, что солнцем палим.

Будайыков сын Музбурчак

Двести тысяч из Бухары
Вёл, цветной подтянув кушак,
Дней не тратил он на пиры.
Нам ко Льву вернуться пора,
К Айколю вернуться пора,
На него оглянуться пора.
Мы ушли от его двора,
Нами он забыт со вчера,
На Манаса взглянем теперь,
На него нагрянем теперь,
Наблюдать его станем теперь!